

UOT 7.01

ORCID: 0009-0005-7320-0286

<https://doi.org/10.52094/GBFO1816>

Лейла Исаева Азад гызы
Бакинская академия хореографии
докторант
mammadova_leyla@yahoo.com

СОВОКУПНОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ ПРИЗНАКОВ ПОСТМОДЕРНА В ТВОРЧЕСТВЕ МЕЛИКА АГАМАЛОВА

Резюме: Статья посвящена творчеству Заслуженного художника Азербайджана Мелику Агамалову. Анализу подвергаются его живописные полотна «The Seashell», «Old Photograph», «Pomegranate» и др. Творчество художника характеризуется совокупностью постмодернистских признаков. Его произведения являются своеобразным интертекстом старых мастеров и отсылают к канону «старых мастеров», выраженной композицией, натурой (гранаты, айва, виноград), фризовыми рамками «как у храмовых росписей и книжной графики», «разрушенные картины» (импрессия Венеции). Натюрморты собирают мотивы классики (гранаты, айва, раковина, череп), иногда — как *vanitas* (череп/раковина).

Творчество Мелика Агамалова демонстрирует постмодернистскую логику работы со значением через цитату, присвоение и игру: он собирает фрагменты классической памяти в строго организованные модули, симулирует «старение» поверхности, сознательно маркирует «фальшь», внедряет текст в изображение и переводит локальные мотивы в глобальный выставочный контекст. Его «натюрморт-как-процедура» и «картина-как-игра правил» – это точные признаки постмодерна, фиксированные как в критических обзорах, так и в собственных экспозиционных практиках.

Ключевые слова: Мелик Агамалов, художник, постмодернизм, серийность, натюрморт, имитация стиля, старение.

Заслуженный художник Мелик Агамалов является одной из основных фигур «интеллектуальной ветви» современного азербайджанского искусства, характеризующуюся любовью к фрагментарности (ячейки-фрагменты собраны в строгий порядок), эффектом «испорченных/разрушенных» картин, использованием латинских слов в изображении и концептуальной установкой [6].

В корпусе современного азербайджанского искусства Мелик Агамалов чаще всего описывается как **«полюс постмодернизма»** своего поколения: его зрелый период отмечен **серийностью, цитатностью**, эффектом «расплывания-упрочнения» поверхности и – главное – **игрой** с системой изображения и со зрителем. Эти ходы подробно сформулированы в обзорной статье об искусстве Азербайджана XXI века [4].

Стоит отметить, что все произведения Мелика Агамалова провоцируют, интригуют, удивляют виртуозной игрой основной идеей произведения, через использование объемных форм, сменой фактурой материала, иногда с использованием графических изображений латинских слов, но при этом никогда не переходят хрупкие грани вкуса. Но что самое важное, за этой изящной интеллектуальной игрой, которой художник ведет эстетически выверено, он не забывает о главном в искусстве – о мире человеческой души. Произведения художника-концептуалиста уже были продемонстрированы во Франции, Германии, Великобритании, России и ОАЭ.

Ключевыми деталями языка художника стали **любовь к фрагментарности при строгой модульной сборке, эффект «разрушенной картины»** (патина, потёки как след времени), **фризовые рамки и латинские надписи** как часть визуальной игры. Это канонический словарь постмодерна, описывающий его приёмы.

Творчество художника характеризуется совокупностью постмодернистских признаков. Так, циклы его работ («Натюрморты», «Ангелы», «Игры»), когда каждый холст становится вариацией одной процедуры, отличаются серийностью, которая фиксируется как отличительная черта зрелого периода [4]. Его произведения являются своеобразным интертекстом старых мастеров и отсылают к канону «старых мастеров», выраженной композицией, натурой (гранаты, айва,

виноград), фризowymi рамками «как у храмовых росписей и книжной графики», «разрушенные картины» (импрессия Венеции). Натюрморты собирают мотивы классики (гранаты, айва, раковина, череп), иногда – как *vanitas* (череп/раковина) [8].

Агамалов имитирует «старую живопись» – вводит сеть трещин, сдиры, потёки и иронически маркирует изображение надписью «*falsatio*» («фальшивка»). Пастиш канона превращается в пародийное разоблачение ауры подлинника [4]. Агамалова постмодернистом делают не только цитаты «старых мастеров», а процедура демистификации: сетка, патина, латинская подпись, фриз – всё это *язык, который показывает собственную «сделанность» изображения*. «Кракелюры», «потёки», сетка квадратов имитируют историчность как знаковый режим, а не «натуральную» старость. Эффект «журнальной репродукции, сложенной и расправленной» (квадратная сетка) и намеренно «испорченная» поверхность работают как производство видимости старения – «подлинник» симулируется как знаковый режим. Это нужно, чтобы вернуть зрителя от «ауры» к мышлению о том, как устроен образ: кто его «склеил», из каких культурных слоёв, как работает музейная рама и подпись. Это видно на натюрмортах 2000-х и серия 2011 года, ретро-портретах *Old Photograph*; экспозиции «*Fly to Baku*» [7].

В каталогах/афишах зафиксированы его работы *The Skull*, *Pomegranate*, *The Seashell* (2011), что показывает глобальный диспозитив показа и «перевод традиции» в международный контекст [8].

Автор «любит фрагментарность», но ячейки-фрагменты организует жёстко, что рождает гиперупорядоченную картину памяти/архива, что и является типичным постмодернистским монтажом [6].

Текст в изображении (*lettrism*-эффект), представленный латинскими словами/подписями, становится частью иронической игры с истиной и авторитетом классики. Текстовые надписи встроены в само изображение, что является прямой интериконичностью и текст-в-изображении.

Рассмотрим несколько ключевых работ художника. Картина «Натюрморт», созданная в 2003 году, цитируется как барочный, классический натюрморт. На горизонтальном полотне изображена фруктовая группа: груши, яблоки, айва, виноград (белый и тёмно-синий), сливы, персики/нектарины. Фрукты лежат на узкой полке-карнизе, образуя

непрерывный фриз. Пространство организовано трёхпоясно: верхний пояс – светлая «золочёная» поверхность с потертостями и тонким орнаментом; средний пояс охры, на котором расположен натюрморт; нижний пояс – снова «старое золото» с трафаретными мотивами и сетью «трещинок». В правом нижнем углу – подпись melik.

Работа дана в виде фризовой композиции: фрукты выстроены в широкую горизонталь, но масса предметов собирается в несколько «вершин» (наиболее высокая – гроздь синего винограда справа), что создаёт волну акцентов. Горизонтальная полоса охры занимает центральную треть – классическое распределение по «правилу третей». Ритмы задают мелкие формы (ягоды, сливки) и «пустоты» между крупными плодами; виноград «перетекает» из правого пика к центру и левой группе – зритель читает композицию слева направо как музыкальную фразу.

Колористическое решение произведения представлена в виде триады: тёплые охры/золото фона; оранжево-красные яблоки/персики (тепловой полюс); синие-фиолетовые слив и винограда (холодный контрапункт).

Лёгкое левостороннее освещение создаёт точечные блики на коже и мягкие тени на полке; белый виноград «светится изнутри» за счёт лессировок. Цветовой баланс построен на комплементарности: тёплые тела фруктов «раскачиваются» холодными сине-фиолетовыми вкраплениями, что делает натюрморт живым и «дышащим».

Верхний и нижний пояса – сценография старения: имитация сусального золота/фольги, трафаретный орнамент (местами напоминает каплевидный «бута»/пейсли), сеть кракелюров, потёртости, мелкие «царапины». По фруктам и фону проходят тонкие, почти каллиграфические линии-потёки – живописная «пыль времени». Такой контраст гладкой, сочной миметики плодов и сухой, истёртой «стены» – фирменный приём Агамалова: он иконизирует натюрморт, помещая его на «золочёную доску», и одновременно демистифицирует образ, показывая его «сделанность» и историчность.

Иконография этой работы и смысловые уровни представлены в виде традиционный код изобилия, где фрукты собраны в пике зрелости. В классической европейской традиции натюрморт нередко метафоризирует

быстротечность: здесь роль часов/черепя выполняет поверхность – «золото, которое облупилось», «время, написанное кистью». Живописная манера и сюжет – очевидная цитата западного «старого мастера», одновременные отсылки к голландцам/итальянцам (свет, плоть фрукта), а орнамент и золочёные фоны отсылают к восточной декоративной культуре (миниатюра, настенная роспись, ковёр). Встреча двух систем превращает натюрморт в современную икону повседневности и к восточному орнаменту.

Пастиш представлен с мягкой иронией в виде точной лепки, «музейной фронтальности». Здесь используется стилизация «под старину», и осознанная патина (кракелюры, потёки) демонстрируют, что «старость» — это построенная модель, а не «естественный» возраст. Канон ломает латинское *falsatio*, стремящееся к самораскрытию «подделки».

Картина держится на контрасте «живого» и «исторического»: сочные, почти осязаемые фрукты помещены на условную, «археологизированную» поверхность, где золото и орнамент шепчут о традиции. Это точно соответствует языку Агамалова: цитировать канон, показывая его сделанность, и сводить Восток и Запад в одном визуальном предложении.

Другое произведение «Pomegranate» (2011), представленное мотивом *vanitas*, создан с эффектом «под старину» – это золоченная рама, мерцающий лессировочный свет. Сетка-патина воспринимается как репродукция, в которой он использует символы для передачи как материального, так и духовного миров. В этой работе наблюдается сочная миметика + намеренная «патина», потёки и трещинки, таким образом натюрморт решен «под старину» как процедура симуляции [9]. Мотивы граната, айвы (локальные символы) подаются в глобально понятной форме «музейного натюрморта», что подтверждается участием в международных проектах (*Fly to Baku*, Лондон/Париж/Берлин) и закрепляет этот перевод [9]. Агамалов применяет символы и знаки, чтобы описать происхождение форм, их развитие и взаимодействие. Он стремится позволить зрителю одновременно наслаждаться красотой материального мира и ощущать духовную сферу.

Картина «Гранат», выполненная в смешанной технике на холсте, хранится в коллекции Imago Mundi, созданной Лучано Бенеттоном и посвящённой искусству разных стран.

Произведение «The Seashell» (2011) написано в виде натюрморта с раковиной, где художник использовал бережную стилизацию света и фактуры, где время выступает как поверхность, представленная модульной сборкой фрагментов, имитирующие «сигналы старения» [8].

Работа исследует темы красоты природы, хрупкости жизни, вечности и мимолетности. Раковина, как символ мироздания, путешествий или даже вечного дома для морского обитателя, может нести в себе глубокий метафорический смысл.

Центральным объектом произведения является раковина, которое занимает доминирующее положение, привлекая внимание зрителя и может символизировать нечто большее, чем просто предмет. Это может быть символ путешествий, памяти о море, красоты природы или даже философских размышлений о жизни и смерти.

Композиция выстроена по принципу классического треугольника или имеет более свободную структуру, создавая ощущение естественности. Работа играет на контрастах: игра света и тени, текстуры раковины и фона может создавать драматический эффект и подчёркивать объём. В зависимости от стиля художника, колорит может быть как сдержанным и монохромным, так и ярким и насыщенным. Источник света, вероятно, играет ключевую роль, выхватывая раковину из тени и подчёркивая её формы.

Стиль варьируется от реализма, где детально прописана каждая линия раковины, до более импрессионистической манеры с размытыми контурами и фокусом на цветовых пятнах.

Натюрморт создает спокойное, медитативное настроение, приглашая зрителя к размышлениям о вечных ценностях.

В творчестве Агамалова наблюдается обращение к фотографическому коду, что видно в серии «Old Photograph» («Восточная Девушка, Old Photograph»), созданной в 2000-е годы, то она является своеобразным ретро-портретом, выступающим фотоархивом как канон памяти. Это ещё один способ показать вторичность, ре-кадровку и ретро-эффект [7].

В своём творчестве он часто обращается к восточной тематике и переосмысливает исторические образы. Его работа известна своим глубоким символизмом и вниманием к деталям. Произведение объединяет старинную эстетику с современными элементами, создавая метафору на тему времени и культурного наследия. Молодая восточная девушка на картине – не просто портрет, а собирательный образ, который соединяет прошлое и настоящее.

Название «Старая фотография» указывает на связь с прошлым. Картина воспринимается как ожившая старинная фотография, которая несёт в себе историю и воспоминания. В работе можно увидеть размышления о культурной идентичности, традициях и их месте в современном мире. Агамалов использует восточную тему для создания универсального образа, который говорит о вневременных ценностях и красоте.

Творчество Мелика Агамалова демонстрирует постмодернистскую логику работы со значением через цитату, присвоение и игру: он собирает фрагменты классической памяти в строго организованные модули, симулирует «старение» поверхности, сознательно маркирует «фальшь», внедряет текст в изображение и переводит локальные мотивы в глобальный выставочный контекст. Его «натюрморт-как-процедура» и «картина-как-игра правил» – это точные признаки постмодерна, фиксированные как в критических обзорах, так и в собственных экспозиционных практиках [4].

Литература

1. Азербайджанский художник покоряет Москву.
<http://news.day.az/culture/264554.html>
2. Дианова, В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. / В.М. Дианова. - Санкт-Петербург: Петрополис, - 1999. - с.156.
3. Зеленко, С.В. Постмодернизм как феномен культуры и мировоззренческая концепция восприятия эпохи [Электронный ресурс] / URL: [file:///C:/Users/help/Downloads/Zelianko%20\(1\).PDF](file:///C:/Users/help/Downloads/Zelianko%20(1).PDF)

4. Искусство в Азербайджане после независимости: новые горизонты (Art in Azerbaijan After Independence: New Horizons) Асиф Гасанов.

5. Мирза Г. Творческий процесс и индивидуальный стиль художника в азербайджанской станковой живописи последней трети XX века. Автореф. дисс. канд. искусствоведения. Баку, 2004.

6. Саламзаде Э. Искусство и искусствоведение. Баку, 2009.

7. Саламзаде Э. Изобразительное искусство Азербайджана в XXI веке // Art SANAT. <https://sanat.orexca.com/2016/2012-1-2016/izobrazitelnoe-iskusstvo-azerbajdzhana-v-xxi-veke/>.

8. Фарзалиев Ч. Живопись Азербайджана. Антология. Баку, 2007.

9. Gallery. Melik Ağamalov. <https://qgallery.net/index.php?ru/pages/single-artist/51>.

10. Vernissage 365. <https://vernissage365.com/ru/artist/melik-agamalov-id6459/works>.

11. MAMM. Fly to Baku. https://www.mamm-mdf.ru/en/exhibitions/fly-to-baku/?utm_source=chatgpt.com.

12. Nar Gallery. Melik Ağamalov. <https://nar-gallery.com/artist/malik-agamalov/>.

Leyla Azad qızı İsayeva Məlik Ağamalovun yaradıcılığında əsas postmodern simvollarının toplumu

Xülasə: Məqalə Azərbaycanın Əməkdar rəssamı Məlik Ağamalovun yaradıcılığını araşdırır. Onun “Balıqqulağı”, “Köhnə fotosəkil”, “Nar” və başqa rəsmləri təhlil edilir. Rəssamın yaradıcılığı postmodernist xüsusiyyətlərin vəhdəti ilə seçilir. Onun əsərləri Köhnə Ustadlara bənzərsiz mətnlərarası istinad təklif edir və fərqli kompozisiyaları, naturalistik tənzimləmələri (nar, heyva, üzüm), “kilsə divarlarında və kitab illüstrasiyalarında olanlar kimi” friz çərçivələri və “məhv edilmiş rəsmlər” (İmpressionist Venesiya) ilə “Köhnə Ustalar”ın kanonuna istinad edir. Onun natürmortlarında klassik motivlər (nar, heyva, qabıq, kəllə), bəzən vanitaslara (kəllə/qabıq) bənzəyir. Məlik Ağamalovun yaradıcılığı sitat gətirmə, mənimsəmə və oyun vasitəsilə məna ilə işləməyin postmodernist məntiqini nümayiş etdirir: o, klassik yaddaşın fraqmentlərini ciddi şəkildə təşkil olunmuş modullara toplayır, səthlərin

“yaşlanması”nı simulyasiya edir, qəsdən “yalan” işarələyir, təsvirə mətni yerləşdirir və qlobal kontekstdə yerli motivlərə tərcümə edir. Onun "prosedur kimi natürmort" və "qaydalar oyunu kimi rəsm" həm tənqidi rəylərdə, həm də öz sərgi təcrübələrində sənədləşdirilmiş postmodernizmin dəqiq markerləridir.

Açar sözlər: Məlik Ağamalov, rəssam, postmodernizm, seriallıq, natürmort, üslub təqlidi, qocalma.

Leyla Azad gizi Isayeva

**A Collection of Key Postmodern Symbols in the Work
of Malik Aghamalov**

Summary: This article explores the work of the Honored Artist of Azerbaijan Malik Aghamalov. His paintings “The Seashell”, “Old Photograph”, “Pomegranate” and others are analyzed. The artist's work is characterized by a combination of postmodernist features. His works offer a unique intertextual reference to the Old Masters and reference the canon of the “Old Masters” with their distinct compositions, naturalistic settings (pomegranates, quince, grapes), frieze frames “like those found in church murals and book illustrations”, and “destroyed paintings” (Impressionist Venice). His still lifes incorporate classical motifs (pomegranates, quince, shell, skull), sometimes resembling vanitas (skull/shell). Malik Aghamalov's work demonstrates the postmodernist logic of working with meaning through quotation, appropriation, and play: he assembles fragments of classical memory into strictly organized modules, simulates the “aging” of surfaces, deliberately marks “falsehood”, embeds text into the image, and translates local motifs into a global exhibition context. His “still life as procedure” and “painting as a game of rules” are precise markers of postmodernism, documented both in critical reviews and in his own exhibition practices.

Key words: Malik Aghamalov, artist, postmodernism, seriality, still life, imitation of style, aging.

Məqalənin redaksiyaya daxilolma tarixi: 01.12.2025

Məqalənin çapa qəbul olunma tarixi: 04.12.2025